

LITERATURE AND CULTURE: HISTORIC AND CONTEMPORARY

DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10087

УДК 740.1751

***Amangeldi R. Beisembayev,
Innovative University of Eurasia,
Pavlodar, Republic of Kazakhstan***

***Бейсембаев А.Р.,
Инновационный Евразийский университет,
Павлодар, Республика Казахстан***

***For citation: Beisembayev A.R., (2020).
The Anonymous Character of the Position of the
Author of a Chronicle Text.
Cross-Cultural Studies: Education and Science
Vol.5, Issue 3 (2020), pp. 6-14 (in USA)***

Manuscript received 07/09/2020

Accepted for publication: 28/09/2020

The authors have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

АНОНИМНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЗИЦИИ АВТОРА ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА

**THE ANONYMOUS CHARACTER OF THE POSITION OF THE AUTHOR OF
A CHRONICLE TEXT**

Abstract:

The article describes the features of chronicle writing as one of the main original genres of the evolving literature of Ancient Russia, in which the chronicle vaults represented a vivid embodiment of the cultural memory. Following the thesis that the Russian chronicle was characterized by the absence of expressed authorship, the article asserts the different degree of the author's presence in different literary texts, the impossibility of the absence of its creator's traces. According to M. M. Bakhtin, the author of a literary text is a subject of aesthetic activity, a hierarchically organized phenomenon represented as a triad: biographical author – primary author – secondary author.

The article demonstrates that the typical feature of the Russian Chronicles was the lack of explicit authorship, and its "anonymity" is similar to that of the ancient architects whose names are rarely mentioned in the sources. The lack of clearly defined positions of authorship, the deliberate "monastic" low position of an author's feelings made the chronicle open to corrections,

editing and inclusion into other sets. “The Primary Chronicle” is the work of the whole generation of chroniclers, copyists, and editors, which became the first “cultural monument”; for the first time in the history of Russian culture it combined “folk” traditions and book wisdom.

A chronicle text is always a certain point of view, the author's worldview reaction to some events, whether historical or personal: no matter how much the writer tries to be objective, his attitude to the characters, as well as his focus of empathy are embodied in the the work.

Keywords: text, chronicle genre, composition, primary author, secondary author, biographical author, character, polyphony, dialogic relations.

Аннотация:

В статье говорится об особенностях летописания как одного из основных оригинальных жанров формирующейся литературы Древней Руси, в которой летописные своды представляли собой яркое воплощение памяти культуры. Следуя тезису, что для русского летописания было характерно отсутствие выраженного авторства, в статье утверждается разная степень присутствия автора в литературных текстах, невозможность отсутствия следов его создателя. По мнению Бахтина М.М, автор художественного текста – это субъект эстетической активности, иерархически организованное явление, представленное в виде триады: биографический автор – первичный автор – вторичный автор.

Доказывается, что для русского летописания было характерно отсутствие выраженного авторства, а его «анонимность» сродни анонимности древнерусских зодчих, имена которых редко упоминаются источниками. Отсутствие определено выраженной позиции авторства, нарочитая «монашеская» приниженность авторского чувства делали древнерусскую летопись открытой для исправления, редактирования и включения в другие своды. «Повесть временных лет» – итог целого поколения русских книжников, летописцев, переписчиков и редакторов, стала первым «памятником культуры», впервые в истории русской культуры соединила «народные» предания и книжную мудрость.

Летописный текст – это всегда определенный угол зрения, мировоззренческая реакция автора на какие-нибудь события, будь то исторические или личные: как бы писатель не стремился быть объективным, в самой ткани произведения растворено отношение автора к героям, его фокус эмпатии.

Ключевые слова: текст, летописный жанр, композиция, первичный автор, вторичный автор, биографический автор, персонаж, полифония, диалогические отношения

Введение. Летопись – явление не только культурное, это исторический и юридический документы начале Русской земли и русского народа как народа христианского. «Повесть временных лет» как летописное произведение синтезировала, включала в свое построение сюжеты, свойственные «историческому» жанру. Первые события русской истории и деяния первых русских князей, начиная с призвания варягов «по ряду» (договору), воспринимались как важнейшие правовые прецеденты, ключевые для исторических судеб Руси.

И с этой точки зрения образ летописца как автора (хотя это определение есть некоторое допущение) представляется одной из самых интересных и наименее изученных проблем филологии.

Для русского летописания было характерно отсутствие выраженного авторства, которое сродни анонимности древнерусских зодчих. Это «смиренномудрие», по мнению Панченко А.М., является специфической чертой славянской цивилизации, в которой отсутствовало определенно выраженная позиция авторства, что делало Начальную русскую летопись (и последующее летописание) открытой для исправления, редактирования и включения в другие своды.

Целью написания данной статьи является выявление авторской позиции в летописном тексте.

Теория. Бахтин М.М. считает, что текст является «той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживания)». Ключ к пониманию текста кроется в отношении к слову, в каждом из которых М.М. Бахтин слышит «голоса, иногда бесконечно далекие, безымянные, почти безличные (голоса лексических оттенков, стилей и пр.), почти неуловимые, и голоса, близко, одновременно звучащие». «Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается» [1, с. 198].

Изучение диалогических отношений между автором и персонажами в художественном тексте [2] привело литературоведа к понятию полифония. Полифония, т.е. многоголосие, возникающее тогда, когда в одном повествовании мы слышим совместное звучание нескольких голосов, когда в тексте различается несколько говорящих субъектов – каждый со своей идеологической позицией, со своим языком, предрассудками, фоновыми знаниями и т.д. Автор при этом оказывается всего лишь одним из таких субъектов.

Эти положения бахтинской концепции языка стали аксиомами для современной лингвистики. Как пишет Падучева Е. В., лингвистика, современная Бахтину М.М., не принимала всерьез язык как средство коммуникации: для структурной лингвистики все за пределами предложения было экстралингвистическим по определению. Потребовалось основательное проникновение в коммуникативные аспекты языка для того, чтобы обратиться к языку художественной литературы, т.е. к области, где коммуникация на первый взгляд вообще не имеет места, а на самом деле принимает усложненные формы [3, с. 218].

В разных литературных текстах присутствие автора ощущается в разной степени, однако само создание художественного текста без следов его создателя невозможно.

Одной из важных составляющих наследия Бахтина М.М. являются его размышления об авторе, представляющий иерархически организованное явление: «Первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором) ... Создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ» [4, с. 353]. В другом месте Бахтин М.М. выразился так: с автором-творцом «мы встречаемся... в самом

произведении, однако вне изображенных хронотопов, а как бы на касательной к ним» [5, с. 403]. Есть, кроме этого, и еще биографический автор. Его «мы находим вне произведения как живущего своею биографической жизнью человека» [5, с. 403].

Возникает триада: биографический автор – первичный автор – вторичный автор. Биографический автор – это исторически реальный человек, наделенный своей биографией и «внеположенный» произведению. Для Бахтина М.М. он находится за пределами науки о литературе.

Под автором понимается прежде всего субъект эстетической активности. Эта создающая, творящая сила и есть то, что Бахтин М.М. называет первичным автором. Основная категория, которой пользовался при его описании ученый, – «внеаходимость», или «трансгредиентность». Сопоставляя область эстетического и сферы познавательного и этического, он утверждал: «художник не вмешивается в событие как непосредственный участник его ... он занимает существенную позицию вне события, как созерцатель, незаинтересованный, но понимающий ценностный смысл совершающегося...». Мысль о позиции вне события, будучи основой дальнейших рассуждений, позволила сделать Бахтину М.М. важнейший вывод: художник, становясь «активным в форме» и занимая «позицию вне содержания – как познавательно-этической направленности», впервые получает возможность «извне объединять, оформлять и завершать событие... Автор-творец – конститутивный момент художественной формы», и потому, в частности, единство произведения – это «единство не предмета и не события, а единство обымания, охватывания предмета и события» [5, с.33, 59, 58, 64].

В этих высказываниях зафиксированы два момента эстетической деятельности. «Обымание» превращает фрагмент жизни в материал для произведения, а затем реализуется в виде определенной формы. Активность, направленная на мир и охватывающая его, становится активностью, которая через форму воздействует на читателя. «Обымаем» мир, автор оформляет его, и этот уже оформленный мир, встречаясь с читателем, именно через форму выявляет активность автора.

Эта общая установка конкретизируется в анализе отношения автора и героя, где герой выступает предметом авторского «обымания» и оформления. Бахтин М.М. говорит об отношении «напряженной внеаходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой внеаходимости, позволяющей собрать всего героя... собрать его и его жизнь и восполнить до целого теми моментами, которые ему самому ... недоступны» [4, с. 15], ибо герой не может конституировать сам себя как некую психологическую данность, не видит всего того, что его окружает, не способен взглянуть на свою жизнь как на завершившуюся и т.д.

Античная поэтика, как уже в наше время заметил Аверинцев С.С., предполагала автора, который стремился «встать над произведением, окинуть его сверху одним взглядом как целое» [6, с. 235].

Для того чтобы произошло эстетическое событие, должны существовать не только автор и произведение, но и читатель-слушатель. Бахтин М.М. говорил об особом «творческом хронотопе, в котором происходит... обмен произведения с жизнью» [5, с. 403]. Кроме того, отталкиваясь от тезиса, что любой говорящий, в том числе и писатель, учитывает «апперцептивный фон восприятия», Бахтин М.М. отметил, что в произведении всегда заключена особая «концепция адресата речи». Причем ориентация на слушателя происходит именно внутри произведения, когда адресат становится «имманентным участником художественного события, изнутри определяющим форму произведения» [7, с. 264-265].

Вторичный автор, выявляющий себя в структуре и смысле художественного текста, – понятие иерархическое, внутри которого сплетаются ряды, образованные авторским словом и авторской идеей. Поэтому прежде всего следует разграничить две эти ипостаси. Сложность операции связана с тем, что слово для Бахтина М.М. имеет крайне специфический облик. Это не нейтральный объект лингвистики, но идеологически и экспрессивно отмеченная единица. Слово всегда чье-то, с ним неразрывно слиты некое «что» (особый смысловой контекст) и некое «как» (особая интонационная окраска), так что слово у Бахтина М.М. всегда есть идея, только взятая со стороны своей выраженности. В основе иерархии лежит такое слово, которое представлено способом повествования от автора.

«Автор говорит не на данном языке, от которого он в той или иной степени себя отделяет, а как бы через язык, несколько оплотненный, объективизированный, отодвинутый от его уст... Интенции прозаика преломляются... под разными углами, в зависимости от социально-идеологической чуждости, оплотненности, объективности преломляющих языков разноречия». Автора «нельзя найти ни в одной из плоскостей языка: он находится в организационном центре пересечения плоскостей. И различные плоскости в разной степени отстоят от этого авторского центра» [5, с. 112, 415-416].

Первым и основным тезисом ученого является равноправие голосов автора и героев. Бахтин М.М. пишет о «голосах-идеях» [4, с. 103]. Это слово, взятое в аспекте его значения. Слово может иметь графическую выраженность, а может существовать лишь в качестве интонации, поэтому авторский голос может звучать и как речь повествователя-рассказчика, и как тон, окрашивающий любой фрагмент текста.

Таким образом, первичный автор – участник эстетического события, в котором встречаются в одной точке художник, независимая от него ценностная реальность и читатель, тоже взятый не как реальное лицо, а как внутренний объект художественного акта. Первичный автор как субъект эстетической деятельности внеоценочен и являет себя в целом произведении.

Вторичный автор – понятие иерархическое и идейно значимое. Вершину иерархии образует авторская позиция, воплощенная в сюжетно-композиционной, пространственно-временной и жанровой структуре текста. В основании лежит форма повествования от автора. Авторская идея связана с этой композиционной формой, она факультативна: речь повествователя может быть идеологически нейтральной по отношению к авторской идее, а

может быть отмечена ее присутствием. Между ними находится голос автора, идеологическое содержание авторского слова. Оно, в свою очередь, тоже иерархично, обладает своим средоточием, называемым М.М. Бахтиным «авторским центром».

Данные и методы. В статье использовались сравнительно-исторический, описательно-сопоставительный методы, прием контекстуального анализа семантики слов и предложений.

Полученные результаты. В «Повести временных лет» выдвинута совершенно новая задача – ввести историю Руси в контекст всемирного исторического процесса, переработав старинные летописи. Поэтому произведение начинается библейским рассказом о Ное, от одного из сыновей которого ведет свое начало славянский род. «Се повести времянных лет, откуда есть пошла **Русская** земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» – с этих слов начинается летопись, и эти первые слова стали традиционным ее названием – «Повесть временных лет».

«Повесть временных лет» – итог работы не одного Нестора, а целого поколения русских книжников, летописцев, переписчиков и редакторов, стала первым «памятником культуры», впервые в истории русской культуры соединила «народные» предания и книжную мудрость.

Лихачев Д.С. сделал глубокие обобщения по проблеме образа автора в древнерусской литературе: «В системе средневекового феодального мировоззрения не было места для личности человека самого по себе. Человек был по преимуществу частью иерархического устройства общества и мира. Ценность человеческой личности осознавалась слабо. ... Сама человеческая личность, ее индивидуальность разрушала литературный этикет, монументальность стиля, подчиненность целому, церемониальность литературы и т.д. Непосредственное сочувствие человеку, простое сострадание ему, сопереживание с ним автора оказывались самыми сильными революционными началами в литературе. Мир, который в основном рассматривался в традиционной части литературы с заоблачной высоты и в масштабах всемирной истории, вдруг представал перед читателем в страданиях одного человека»[8].

Своеобразие древнерусской литературы заключается в том, что она представляла собой единое целое в результате отсутствия сильного авторского начала, на что указывает Лихачев Д.С.[9, с. 7].

Нестор и его последователи – летописцы и редакторы «Повести временных лет» – использовали византийские хроники, «жития», дошедшие до них, русские летописные своды и другие источники. Эта колоссальная работа средневекового историка – работа «сводчика», составителя летописного свода, приводила к парадоксальному результату, что сводчик не признавал себя «автором» – он был носителем традиции и воплощал эту традицию в своей работе. Традиция же основывалась на представлениях о всемирной истории как истории Священной, направляемой Божественным провидением, а не «авторской волей» исторических деятелей. Тем более авторское сознание не могло быть «определяющим» у христианских хронистов и летописцев, взявших на себя «труд, завещанный от Бога».

Лихачев Д.С. по этому поводу пишет: «Система изображения течения исторических событий у летописца есть следствие не «особого мышления», а особой философии истории. Он изображает весь ход истории, а не соотнесенность событий. Он описывает движение фактов в их массе. Прагматическую связь фактов он стремится не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от Божественной воли. Факты и события возникают по воле сверху, но не потому, что одни из них вызывают другие в «земной» сфере» [8, с. 259].

Отсюда – «важность и равноценность событий, которые не кажутся равноценными современным историкам, внимание к знамениям и чудесам, происходящим во временной последовательности, самодовлеющая важность хронологии – вплоть до обилия «пустых» – не заполненных событиями – годов в «Повести временных лет: время абсолютных дат – течение истории – независимо от человеческих деяний, они имеют смысл лишь в их соответствии Божьему промыслу [10, с. 14].

Отсутствие выраженного авторства в наибольшей мере свойственно русскому летописанию, в том числе и начальному. Показательно, что Нестор не назвал себя в «Повести временных лет», его имя упомянуто лишь в позднем – XVI в. – Хлебниковском списке Ипатьевской летописи. Это и вызвало сомнения по поводу того, является ли Нестор автором «Повести временных лет». Летописцем он именовался в другом монументальном памятнике домонгольской Руси, в «Киево-Печерском патерике», посвященном «житиям» монахов Киево-Печерской лавры, одним из которых был Нестор.

Глагол *написати* в древнерусском языке означал не только «сочинение», составление, но и переписывание книжного текста, что само по себе характеризует средневековое отношение к авторству. Это «смирennemудрие», отсутствие определенно выраженной позиции автора делало «Повесть временных лет», как и другие летописи, открытой для исправления, редактирования и включения в другие своды.

Отторженность субъекта от производителя действия проявляется в устранении авторского начала в произведениях. Нарочитая «монашеская» приниженность авторского чувства хрониста, в том числе и предшественника Нестора Георгия Амартола, само монашеское прозвание которого «Грешник». Авторское уничижение себя как производителя действия становится своего рода традицией в зачине литературы житийного жанра. Считая себя недостойным внимания по сравнению с тем святым, житие которого он описывает, автор лишь подчеркивает содеянное им как свершившийся факт. Так, Нестор заканчивает «Житие Феодосия Печерского» следующей фразой: «Та же въписахъ азъ грешныйи Несторъ». Местоимение *азъ* употребляется в предложениях-формулах, имеющих целью указания авторства грамоты, написанного произведения (евангелия, рукописи), надписи, напр.: *Азь же грѣшныи твои раб и ученикъ недоумью, чимъ похвалити добраго твоего жития и въздържания»* [11, с. 269-270].

Часто автор произведения, скромно называя свое имя, не преминет снабдить его оценочными эпитетами: *худыи, недостойныйи, многогрѣшныи*, что является следствием

религиозно-христианского отношения феодального общества к человеку, и, в частности, к труду писателя, художника, зодчего.

Отголоски этой высокой риторики, заключающейся в авторском самоуничижении, находим в записках простолюдинов в составе грамот: *Невежа тиса, недумаказа* [11, с. 522].

Образ летописца неотделим от особенностей этики в Древней Руси и от узкоспециальной проблемы литературного этикета. Мораль летописца совсем не абстрактна – это не мораль монаха-отшельника, для которого добро и зло суть традиционные категории, лишённые конкретного наполнения. Это мораль человека, непосредственно заинтересованного в судьбе своей земли, озабоченного современным положением в стране и ее будущим. Мораль летописца конкретна: добро для него – то, что может принести благо Родине, зло – все то, что может чем-то угрожать ей.

Заключение. Для русского летописания было характерно отсутствие выраженного авторства. Отсутствие определенно выраженной позиции авторства, нарочитая «монашеская» приниженность авторского чувства делали древнерусскую летопись открытой для исправления, редактирования и включения в другие своды. «Повесть временных лет» – итог целого поколения русских книжников, летописцев, переписчиков и редакторов, стала первым «памятником культуры», впервые в истории русской культуры соединила «народные» предания и книжную мудрость.

Летописный текст – это всегда определенный угол зрения, мировоззренческая реакция автора на какие-нибудь события, будь то исторические или личные: как бы писатель не стремился быть объективным, в самой ткани произведения растворено отношение автора к героям, его фокус эмпатии.

References:

1. Bakhtin M.M. *Esthetics of verbal creativity*. – М., 1979.
2. Bakhtin M.M. 1972. *Problems of Dostoyevsky's poems*. 3d ed. M: Fiction. p. 470.
3. Paducheva E. V. *Semantic research (semantics of time and type in the Russian language; semantics of narrative)*. – М., 1996. – 464 p.
4. Bakhtin M. M. *problems of Dostoevsky's poetics*. – М., 1979.
5. Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics*. – М., 1975.
6. Averintsev C. C. *Between «explanation» and «concealment»: the situation of the image in the poetry of Efrem Sirin // Eastern poetics: Specificity of the artistic image*. – М., 1983.
7. Voloshinov V. N. *Word in life and word in poetry // Zvezda*. 1926. № 6.
8. Likhachev D. S. *Poetics of old Russian literature*. Ed. 3. – Moscow: Nauka, 1979. – 360 p.
9. Likhachev D. S. *the Greatness of ancient literature // monuments of Ancient Russia XI – beginning of XII century*. – М.: Art. literature, 1978. – P. 5-20.
10. Petrukhin V. Ya. *Ancient Rus: People. Princes. Religion // From the history of Russian culture, Vol. 1 (Ancient Rus)*. – Moscow: Languages of Russian culture, 2000. – P. 13-412.
11. Shakhmatov A. 1916. *The Primary Chronicle. Vol.1, Preface*

Information about the author:

Beisembayev Amangeldi R. (Pavlodar, Kazakhstan) – Doctor of Philological Science, Professor of Innovative University of Eurasia. E-mail: aman2908@mail.ru

Contribution of the author: the author contributed a lot to the research.